

Евгения Кузнецова

Пророчество?

В ноябре 2021-го года Римас Туминас показал Москве премьеру «Войны и мира». Мощное пятичасовое сочинение режиссера, увидевшее свет на вахтанговской сцене, стало главным художественным событием не только прошлого сезона, но – как минимум – последних пяти лет. Это факт, признанный теми, кто считает себя апологетом Туминаса, и теми, кто не принимает его авторскую стилистику. Впрочем, первых среди профессионалов и «закоренелых» зрителей всегда было большинство. Однако, речь не о статистике.

Появился спектакль, который невозможно оценивать только как факт театрального искусства, хотя все признаки безупречной работы режиссера, его соавторов и актерского ансамбля налицо. Мастерски и филигранно встроено в пятичасовой спектакль большинство тем и линий грандиозного (и по объему тоже) романа Льва Толстого. Намеренный лаконизм, порою даже аскетизм Римаса Туминаса в использовании режиссерских приемов и высочайший уровень достигнутого им результата позволяют поверить в истину, старательно опровергаемую художественной практикой последних десятилетий: основное выразительное средство театра – это актер, точная работа с которым позволяет рассказать любую, даже самую сложную историю.

Спектакль взбудоражил чем-то большим, чем художественное совершенство. Он попал в эмоциональное поле каждого, раскачал даже тех, кто лелеял в себе чувство тотальной отстраненности от чьей-либо, порой даже собственной, боли. Конец февраля 2022-го принес ответ на вопрос, почему «Война и мир» Толстого-Туминаса взволновала так сильно, что именно разбередила. Мы на премьере в ноябре 2021-го смотрели на сцену и боялись принять увиденное как возможный факт своей биографии. Отгоняли мысль, что предчувствия большого художника могут шагнуть далеко за рамки сценической коробки, и каждый станет действующим лицом истории о войне и мире. Именно это и произошло. И сейчас кажется невероятно важным разобраться в этих предчувствиях, чтобы вместо зыбкого месива в головах и под ногами обрести какую-то твердую почву, разобраться в себе.

Вместе с Римасом Туминасом его многолетний соавтор сценограф Адомас Яцовскис как бы отказывает себе в праве на самовыражение, предлагая пространственное решение, которое может показаться предельно простым. Перед нами пустая сценическая коробка, перегороженная огромной серой стеной. В зависимости от того, как ложится свет, она кажется плоской, но в другой момент на ней отчетливо видны отдельные детали архитектуры. Постепенно становится очевидно, что цоколь – лишь малый фрагмент монументального строения, размеры которого не соотносятся с человеком. Рядом с ним уместна толпа, но никак не одинокий человек, всегда оказывающийся один на один с необходимостью делать выбор, наедине с собственной судьбой и катком истории. В течение спектакля стена перемещается, и думаешь, что у кого-то есть шанс улизнуть из этой трагической клетки времени.

«Война и мир». Театр им. Евгения Вахтангова. Сцена из спектакля.
Фото Ю. Губиной

Но нет, это иллюзия и самообман: к финалу она вернется на прежнее место, полностью закрыв арьерсцену.

Многое, что привычно ассоциируется с романом Толстого, в вахтанговском спектакле нет – ни французского текста, ни масштабных сражений, ни начальства, даже военного, включая Кутузова и Наполеона, ни представителей народа. Тут история людей одного круга – дворянских родов Ростовых, Болконских, Курагиных, Дру别цких, Безуховых, близких друг другу людей, чьи предки, если не веками, то десятилетиями жили рядом. Здесь каждый каждому, если не кузен, то, как минимум, кум. Очаровательные и отвратительные, умные и глупые, молодые и успевшие постареть, они опираются друг на друга в том времени, что называется миром, а в пространстве войны разделены необходимостью сделать личный выбор. У каждого он свой: у кого – гиньольный, у кого – трагический.

Туминас скептичен по отношению к каждому из них в начале своего режиссерского повествования. К кому-то больше, чем к остальным, как в случае с кружком Шерер-Курагиных. Спектакль начинает ядовитая по своей иронии сцена, где с уверенностью знатоков, повторяя как мантру общие и по сути бессмысленные тезисы, компания обсуждает Наполеона и возможность войны с его армией. Анна Павловна Шерер Юлии Рутберг, очевидно чувствуя себя лидером общественного мнения,

«Война и мир». Театр им. Евгения Вахтангова. Сцена из спектакля.
Фото Ю. Губиной

карикатурно срывается на лозунги. Перонская, ставшая в исполнении Людмилы Максаковой одним из важнейших персонажей спектакля, упивается звучанием собственного голоса, произнося очередную хлесткую банальность. Она же, почитаемая своим кругом за интеллектуалку, эмоционально вздергивает присутствующего при разговоре Пьера, иронично – ко всеобщей радости – испепеляя его за карбонарские воззрения.

Среди заинтересованных зрителей ее персонального выступления и все семейство Курагиных, во главе с превратившимся в полное ничтожество от любви к своим порочным детям князем Василием (Владимир Симонов). Они – свои среди своих. Это круг, куда не пускают пришлых, где собираются якобы для того, чтобы поговорить о судьбах мира, а на самом деле решить свои маленькие меркантильные делишки.

Ростовы в вахтанговском спектакле тоже заявляются отнюдь не как очаровательное семейство. Режиссер ироничен и к ним, не так жестко, как к Курагиным, но ему важно, что граф Ростов в превосходном исполнении Сергея Маковецкого – профукавший свою жизнь и состояние фигляр, графиня Ирины Купченко – милая с чужими и жесткая со своими барынька, научившаяся умело транслировать за пределы дома образ идеального семейного очага. Беззаботная молодая компания – Наташа, Соня, Николенька, Борис Друбецкой – словно соткана из грез графини. Очаровательные дети семейства Ростовых, включая приемную

В. Добронравов – Андрей Болконский, К. Трейстер – Наташа Ростова.
Фото Я. Овчинниковой

бессребреницу Соню, по-настоящему счастливы в этом доме. Они крайне обаятельны в том, как валяют дурака, влюбляются и почти взаправду целуются.

Начиная историю, Туминас не жалеет и Болконских. Причем не только старого князя с его бытовыми странностями – сложная партитура роли блистательно сыграна Евгением Князевым, но и наслаждающуюся ролью жертвы княжну Марью Екатерины Крамзиной. Именно так ей хочется отражаться в несовершенной, но достаточно гармоничной картине мира, где фоном ее героического самоотречения станет миловидная и отвязная мадемуазель Бурье – Аделина Гизатуллина.

С подробного наблюдения за человеческими слабостями, следя Толстому, начинает Туминас свою историю «Войны и мира». Потом он проведет нас по своим размышлениям о каждом персонаже, где-то заставит себя остановиться подробнее, что-то расскажет скороговоркой. Создаст многонаселенный мир из почти двух десятков героев, несовершенство большинства которых он с отцовской мудростью простит, пожалеет, согреет и поймет.

В этом сочинении Туминаса будет удивительная героиня в исполнении актрисы-дебютантки Ксении Трейстер. Ее Наташе веришь на протяжении всей истории, внутри которой – путь от девочки, задыхающейся предчувствием счастья, до человека, отчаянно цепляющегося

Е. Князев – князь Болконский, В. Добронравов – Андрей.
Фото А. Торгушникова

за то немногое, что осталось после крушения иллюзий. Как пик этих состояний режиссер вместе с хореографом Анжеликой Холиной предлагаю актрисе два повторяющих друг друга танца. В белом, почти не касаясь планшета сцены, Наташа взлетает на том самом первом балу. Уже в черном, приняв предсмертную исповедь Андрея и закрыв ему глаза, она с огромным трудом заставляет тело услышать музыку. Первый, второй, третий шаг – все на преодолении. На четвертом – опять полет, но совсем другой, трагический, похожий на бегство от смерти.

Каждый из тех, о ком Туминас рассказывает в «Войне и мире», помнится отчетливо. Дурашливый Николенька, любое свое появление сопровождающий звуком трубы. Лопоухим идиотиком его играет Юрий Цокуров, но только до поры до времени. Именно ему, объединив воедино Николая и Петра Ростовых, режиссер отдает «на откуп» все Бородинское сражение с его беспощадным адом, настаивая на том, что, стараясь перед лицом смерти понять, почему именно с ним это происходит, каждый человек становится философом.

Сцена гибели младшего Ростова стыкуется Туминасом со сценой отъезда его семьи в Отрадное, подальше от войны. Этот тот самый эпизод романа, когда Соня (Мария Волкова) узнает, что их с Николенькой свадьбе не бывать. Он должен жениться на Марии Болконской, чтобы спасти финансовое положение всех Ростовых. Николая (не у Толстого,

А. Домская – Вера, К.Трейстер – Наташа, Ю. Цокуров – Николай, М.Волкова – Соня. Фото Ю. Губиной

у Туминаса) уже нет в живых, и тем страшнее выглядит убийственная жестокость графини по отношению к той, что воспитали как равную, но в ситуации выбора определили на роль жертвы. Виолончель, зажатая между ног Сони, не отвечает звуками смычки – только скрип вместо ее немого воя.

В партитуре «Войны и мира» Туминаса важны все, любой голос, но все же внутренним стержнем спектакля становится столкновение двух полярных друг другу пониманий мира, двух мощных разновекторных характеров – Андрея Болконского и Пьера Безухова.

Застегнутый на все пуговицы мундир, каменная脊на, руки человека, годами приучавшего себя не жестикулировать в разговоре, жесткая походка, – это все Андрей Виктора Добронравова. Ему многое сложно, порой и тактильный контакт с другим человеком. Недаром Туминас выстраивает мизансцены так, что молодой Болконский общается с другими персонажами на изрядной дистанции. Мгновенное прощание с женой, секундное прикосновение к сестре Марье, статуарность при объяснении с Наташей. Даже с единственным человеком, которому Андрей безусловно верит – Пьером – он держится на расстоянии. Все это можно принять за высокомерие, надменность и невероятное почитание сформулированного для себя образа человека дела и долга, если бы не крохотные отступления, которые

Л. Максакова – Перонская, П. Попов – Пьер.
Фото Ю. Губиной

режиссер позволяет Андрею в момент прощания с отцом перед уходом в действующую армию или когда тот передает Пьеру письма Наташи, разорвавшей помолвку.

Да, этот Андрей почти безэмоционален. По крайней мере внешне. Туминас дает молодому Болконскому только один мощный эмоциональный прорыв в монологе о славе. Режиссер лукавит со зрителем, готовым воспринять эти слова как манифест. Пазл складывается иначе. В спектакле монолог следует за сценой, где Андрей сжигает бумаги, переданные ему отцом. В них – проекты, направляемые некогда славным суворовским генералом государю, размышления об устройстве армии... Бумаги, над которыми адресаты перед тем, как уничтожить, могут только посмеяться. Насмешки над отцом Андрей из этой цепочки исключает, самостоятельно превращая рукописи в пепел. Это жест абсолютного отчаяния и, как ни странно, невероятной любви. Именно в этом состоянии Андрей произносит свой монолог о славе, которой жаждет любой ценой, закрываясь словами от отчаяния, страха перед будущим, где он будет беспомощен и жалок, как сегодня отец. Речь его звучит почти богооборческим протестом против мироустройства, где человек как единица не ценен. В том числе и он, князь Андрей, искусно скрывающий за внешней холодностью подлинного себя, свою ахиллесову пяту.

С. Маковецкий – Илья Андреевич Ростов. Фото Я. Овчинниковой

В отличие от младшего Болконского Пьер не обманывает свою природу, не прячет ее и ее не стесняется. В исполнении Павла Попова, который, как прежде говорили, «проснулся знаменитым» после премьеры «Войны и мира», Безухов, в первую очередь, очень теплый, невероятно родной человек. Любые его проявления, даже самые экстравагантные, вроде признания Андрею, зачем он якшается с Курагиными – «там женщины» – выглядят обаятельно. В чем-то он поначалу даже аутичен: вступает в бессмысленную дискуссию в салоне Шерер, практически неожиданно для самого себя становится мужем Элен. Все эти внешние взаимоотношения с миром Пьеру вроде бы и не важны. Он – путешественник по карте жизни, которую ни у кого не позаимствовал, а сам составил. Вернее, составляет ее на наших глазах, открывая внутри себя другого человека, словно новые земли. И вот этот милый со всеми отрицатель агрессии и противления, узнав об интриге с Наташей, буквально впивается обеими руками в шеи Элен и Анатоля Курагиных. Из рохли и подслеповатой размазни почти мгновенно превращается в того, кто способен в ярости даже убить. Едва ли не сложнее, чем противостояние злу, Пьеру дается признание Наташе. Преодолевая косноязычие, искренне удивляясь тому, что произносит, он обретает право не только любить, но и бояться говорить о своих чувствах другому человеку. Пьер – не конвенционален. Он – человек,

не знающий, как надо. Именно поэтому он, в плаще пасечника, не просто штатский, а патологически не воинственный мужчина – должен, вопреки всем своим убеждениям, пойти и убить. Ибо кто-то должен покончить с некогда обожаемым Наполеоном.

На его карте появляется территория зла, и героем, который должен его уничтожить, он может назначить только самого себя.

В этом мировоззренческом споре Андрея – человека разумного и детерминированного – и Пьера, вся жизнь которого есть постижение мира и себя, Туминас вслед за Толстым, конечно же, на стороне последнего. Ибо все можно подвергнуть критике, разрушить и восстановить в других очертаниях, кроме, как говорит Безухов в своем последнем монологе, «моей бессмертной души».

Свою «Войну и мир» Римас Туминас, по его собственному свидетельству, начал обдумывать за несколько лет до премьеры. Безусловно, одним из тех, с кем делился, был Фаустас Латенас – композитор-соавтор большинства его спектаклей. Латенаса не стало за год до премьеры. Но он остался внутри поставленной Туминасом истории грандиозным вальсом, написанным им в 1990 г. к «Вишневому саду», который Гиедрюс Пускунигис включил в свою музыкальную партитуру спектакля.

И напоследок – размышление из начала апреля 2022 г. Первый акт спектакля – это война на чужой территории, второй – межвоенное время со всеми его мирскими страстями, третий – война на своей территории. Ни счастливого брака Наташи и Пьера, ни разумного союза княжны Марии с Николаем Ростовым, ни даже наступления мира в этой истории не будет. Она закончится пожаром Москвы.

Пусть Римас Владимирович не будет пророком.